КАРТИНКА 10. МОСТЫ. МАРШРУТ: НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ И АМСТЕРДАМА — ВСТРЕЧА С АНАСТАСИЕЙ ВАЛЕРЬЕВНОЙ — РОЖДЕННЫЕ В ЛЕНИНГРАДЕ — БРУКЛИНСКИЙ МОСТ

Весна распахнула шаловливые синие глаза, распустила косы робкой липкой листвы и соблазнила все-таки несговорчивое питерское солнце. Вокруг все заискрилось, золото куполов и краски фасадов начали как будто плавиться и стекать в прохладу рек и каналов, устраивая там акварельное буйство. Репетиция военного парада сегодня должна была состояться во второй половине дня, поэтому мне удалось перебежать Невский и устремиться по набережной реки Мойки в сторону Летнего сада для встречи с одной пожилой дамой — подругой моей ленинградской тетушки.

Я брела по набережной, в который раз поражаясь царственности и пышности дворцов. К моему удивлению, фасады зданий сияли первозданной чистотой и яркими красками, и это несмотря на то, что промозглый питерский климат ни на мгновение не прекращал свою разрушительную работу над ними. По Мойке скользили теплоходы с туристами, и никаких частных, припаркованных к гранитным берегам жилых барж или яхт, способных испортить величественный пейзаж, не наблюдалось. Какие могут быть народные гуляния под окнами дворцов! То ли дело на каналах Амстердама или на набережной Нюхавн в Копенгагене, где на припаркованных к берегам каналов баржах обычно сидят веселые и беззаботные голландцы или датчане: пьют пиво, танцуют, целуются, курят, причем не всегда табак. Домики же, стоящие вдоль этих набережных, русскому человеку покажутся скорее похожими на разноцветные тульские пряники. В нижних этажах этих игрушечных строений, как правило, располагаются уютные кафешки со столиками, разбросанными прямо на набережных, и посетителями, смотрящими на воду каналов и проплывающие мимо лодки. Люди приветствуют друг друга шутками и взмахами рук. В общем, никакого порядка и благолепия! А засыпать бы этих весельчаков с их баржами, домиками и ресторанчиками снегом, заморозить бы их ледяным ветром с Ладоги эдак на полгодика, может быть, тогда бы «просвещенная Европа» и стала бы лучше понимать уникальность суровой красоты северной столицы.

Пока я любовалась на архитектурные изыски и думала о несовместимости дворцов и многоэтажек, во мне сплетались восторг сопричастности к великой истории и горечь сожаления от того, что Санкт-Петербург по-прежнему остался местом противостояния элиты и народа. Нынешний исторический центр города, по замыслу его создателей — чужеродной, ненавидящей свою страну аристократии, — не должен был иметь ничего общего с русскими городами, но он не стал похож и на европейские королевские столицы.

Впереди меня, взявшись за руки, медленно шла влюбленная пара. Парень и девушка лет восемнадцати наслаждались солнечным

днем и молчаливым обществом друг друга, и лишь переплетенные пальцы их рук вели неспешный разговор. Во время прогулки она скользила кончиками пальцев свободной руки по чугунной решетке, а юноша периодически останавливал ее, поворачивал возлюбленную к себе и носовым платком начинал с нежностью вытирать ее грязную ладошку. Она же смеялась, вставала на цыпочки и целовала его в щеку.

Да, в этом городе во все времена жила любовь, и за ней сюда ехали со всех концов света. Говорят, что если ты не открыл свое дело в Нью-Йорке, ты не откроешь его нигде; если ты не нашел себе работу в Лондоне, ты не найдешь ее нигде, и если ты не влюбился в Санкт-Петербурге, то не сможешь влюбиться уже нигде.

Подруга моей покойной ленинградской тетушки Анастасия Валерьевна была коренной ленинградкой. Родилась она перед самой войной в семье врачей и прожила всю свою жизнь в коммунальной квартире на улице Чайковского. «Маленькая я тогда была совсем, — рассказывала обычно она, когда ее спрашивали о блокаде Ленинграда. — Моя мама работала врачом-хирургом в военном госпитале, вот там-то я и жила в блокаду. Ярко помню только один эпизод: как мама везет меня со старшим братом на саночках вдоль трамвайных путей, а навстречу нам едет трамвай, темный такой, без освещения. Вот мой брат Дима и спрашивает: “Мама, а почему в трамвае нет света?” А моя мама отвечает: “Некому там больше светить! Мертвых людей этот трамвай перевозит, сынок!”»

Мы договорились встретиться с Анастасией Валерьевной у главных ворот Летнего сада. Еще издали я увидела ее, небольшого роста даму в шляпке, плаще, с ярким платком на шее и неизменным зонтиком в руках. Мы обнялись после долгой разлуки.

— Прости меня, родная, — сказала Анастасия Валерьевна. — Совсем я запамятовала, что Летний сад закрыт на просушку до 1 мая. Зато пока еще нет толп туристов, приплывающих на этих огромных теплоходах к нам в порт, мы можем съездить в Петергоф и свободно погулять по изумительному парку, посмотреть на красивейшие в мире, недавно отреставрированные золотые фонтаны Большого каскада и Нижнего парка, Монплезир и Марли. Фонтаны открылись только неделю тому назад, и они еще восхитительно по-весеннему свежи, — щебетала тетя Настя, извиняясь как-то застенчиво и искренне, как умеют это делать только старые ленинградцы.

— Анастасия Валерьевна, спасибо огромное, прекрасное предложение, но если честно, то мне как-то после всего этого великолепия дворцов, золотых куполов, веселой и праздной публики, дорогих ресторанов больше хочется с вами съездить на Пискаревское кладбище, чем в Петергоф.

— Ну, на кладбище я еще успею, не спеши, родная, меня туда спровадить, — рассмеялась Анастасия Валерьевна и замахала на меня рукой. — Шучу я, знаю, ты совсем другое хотела сказать, и настроение твое я тоже хорошо понимаю. Так называемый мир Невского проспекта всегда был богатым и веселым, он притягивает сильных, успешных и молодых уже триста лет, питаясь их энергией, поэтому старым, больным и бедным там просто не место. Всех моих подружек уже давно переселили из квартир в центре, где они родились, в многоэтажки Купчино или Веселого поселка. Хорошо, что Интернет есть сейчас, мы можем увидеть друг друга, пообщаться, а благодаря установленным камерам, например, у Пассажа, как говорят мои внуки, виртуально даже прошвырнуться по центру города. А вот собираемся мы как раз ежегодно на Пискаревском кладбище. В День Победы туда приходят многие, рожденные в Ленинграде: и те, кто благоденствует и живет в центре, и те, кто существует на окраине. Там не имеет значения, кто ты и сколько у тебя денег.

Сразу видно, давно ты не была в Санкт-Петербурге. Забыла, что такие ласковые, солнечные дни, как сегодня, здесь большая редкость. В такую погоду хочется гулять, дышать и мурлыкать на солнышке. Устала я от мокрого снега, луж над коркой льда и промозглого балтийского ветра. Ладно, если бережешь мои силы и отказываешься ехать в Петергоф, давай тогда просто спустимся по Дворцовой набережной, полюбуемся на Заячий остров, Неву, мосты, наболтаемся вдоволь, а потом сядем на метро и поедем к твоему брату Владиславу на день рождения. Я хорошо помню, как 50 лет тому назад он родился и при регистрации в загсе его маме вручили медаль, на которой было написано: «Рожденному в Ленинграде». У меня тоже есть медаль, только на ней другие слова: «Жителю блокадного Ленинграда». Так что мы с ним оба ленинградцы — из серединки, поскольку мои предки и потомки — уже петербуржцы.

Мы прогуливались по каменному берегу Невы, тетя Анастасия опиралась на мою руку.

— Соскучилась я по общению, дорогая моя Пропажа, сыну и внукам все некогда, а друзья и соседи мне как врачу рассказывают исключительно о своих болез-

нях. Знаешь, поэтому я даже раньше как-то старалась скрыть от случайного собеседника свою профессию, говорила, что работаю в библиотеке. Люблю пройтись здесь в хорошую погоду и полюбоваться на несовместимое, — произнесла моя спутница, остановилась и подалась как-то вся вперед за своим взглядом.

— Тетя Настя, как это — «полюбоваться на несовместимое»? — несколько удивилась я.

— Да, в Питере все несовместимо! Этот каменный город был построен подобно мосту, на зыбкой воде, между западным и восточным мирами, в практически непригодном для жизни человека климате. Уже почти триста лет люди летят сюда, на это золотое пламя куполов, и сгорают в нем. Посмотри, вокруг сплошной гранит, камень и металл, а какими легкими кажутся мосты и набережные! Видишь Заячий остров с его грозной крепостью, что была построена для защиты, а стала усыпальницей последних русских царей!

А потом, мы, ленинградцы, сами подобны мостам. Ведь княжна и рабочий Путиловского завода — это два берега могучей царской империи, которые никогда не могли бы соединиться, если бы революция не соединила их, вот в итоге и появились мы, потомки-мосты меж теми несовместимыми и враждующими берегами.

Мой дед был рабочим Путиловского завода, бабушка принадлежала к сиятельному дворянскому роду, а мои родители встретились и поженились уже в Ленинграде. Мост соединяет то, что не может соприкасаться по своей природе, поскольку если соединятся берега, то исчезает река. Мост — это символ и суть не только моего родного города, но и нас, ленинградцев.

Да-да, я намеренно говорю только о родившихся в Ленинграде — о тех, кто физически соприкасался с теми, кто пережил революционную трагедию и террор; военный подвиг, блокадный голод и Пискаревское кладбище — для кого все это не мемориал и история, а личная и семейная память.

Для родившихся уже в Санкт-Петербурге этот город — тоже город сотен мостов, но для них мосты — это, скорее, символы влюбленных, где они целуются, гуляют и закрывают любовь на замки со своими именами, выбрасывая ключи в Мойку, Фонтанку, канал Грибоедова.

— Да, — сказала я, положив руки на гранитный парапет набережной, щурясь от весеннего солнца и сожалея, что оставила в гостиничном номере свои темные очки, — меняются времена и их символы, а мосты по-прежнему для всех остаются аллегорией взаимопонимания и откровения. Помните, Анастасия Валерьевна, как мы десять лет тому назад гуляли в Нью-Йорке по Бруклинском мосту, и вы еще, стоя на нем, читали Маяковского.

— Америка, / Как в церковь идет помешавшийся верующий, / Как в скит удаляется строг и прост, / Так я в вечерней сереющей мерещи / Вхожу, смиренный на Бруклинский мост, — продекламировала тетя Настя рубленые строки любимого поэта. — Жаль, что столь мною любимый Маяковский не написал великих строк о ленинградских мостах. Я не могу забыть то необычайное ощущение легкости, возможности полета, которое охватило меня, когда мы гуляли по Бруклинском мосту, и я тогда, помнишь, вцепилась в тебя двумя руками, чтобы удержаться. Мне показалось, что за моей спиной вот-вот вырастут крылья, но я-то как врач точно знала, что вверх может улететь только душа, а тело обязательно упадет вниз. Я еще тогда тебе со страху сказала, что этот мост, наверное, строил человек, который по каким-то причинам не мог двигаться, и его мечта взлететь была настолько сильной, что он ее материализовал и построил эдакую взлетную площадку-мост для самого себя.

— Верно, у вас прекрасная память. Я тогда была удивлена вашей догадкой, поскольку Бруклинский мост был создан фактически по проекту инженера Реблинга, который при подводном сооружении опор моста был поражен кессонной болезнью и руководил основным этапом строительства, будучи уже абсолютно неподвижным. При этом он создал мост, опирающийся не только на готические колонны, но и на воздушные потоки. Несколько лет тому назад я прочла статью об очень интересном исследовании: оказывается, когда с помощью современного компьютера удалось обсчитать аэродинамическую модель Бруклинского моста, выяснилось, что за счет уникальности его конструкции запас его несущей прочности увеличивался в шесть раз, — вывернула я наш разговор на свою любимую тему интуитивного познания.

— Наши же мосты через Неву стоят не благодаря ветру, а вопреки ему, и гулять по ним несколько опасно, поскольку может унести шквальным балтийским напором, тем более такую старуху, как я. То ли дело прохаживаться по набережной ночью и любоваться разводом подсвеченных мостов, это уникальное зрелище, — пошутила тетя Настя и взяла меня под

руку, предлагая продолжить наш путь в сторону метро.

КАРТИНКА 11. СУТКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. МАРШРУТ: СИРЕНЬ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ — ЛЕСА СПАСА НА КРОВИ — МЕТРО — ДРУГОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КУЗЕНА — СЕМЕЙНАЯ КИНОХРОНИКА — ДЕНЬ ПОБЕДЫ — ПАСХАЛЬНАЯ СЛУЖБА В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ — РАЗВОД МОСТОВ — ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Мы прогуливались вдоль Марсова поля, опьянев от весенних запахов расцветающей природы. На одном из почти еще голых кустов чудесным образом распустились нежно-фиолетовые крестообразные лепестки. Анастасия Валерьевна втянула ноздрями воздух, бережно взяла его ветку в руку и стала вдыхать ее запах, закрыв глаза и блаженствуя.

— Это невозможно, мне никто не поверит, но это есть! На Марсовом поле до Пасхи расцвела сирень! Чудо какое-то! — говорила тетя Настя шепотом, как будто боясь спугнуть нежные лепестки. — В честь твоего приезда, Пропажа, она расцвела, — рассмеялась пожилая дама, выпустив ветку и повернувшись ко мне. — Ты появляешься в Питере раз в тридцать лет, и сирень бунтует, распускаясь так рано, тоже нечасто.

Перед нами высилась громада самого русского храма города — Спаса на Крови. Его разноцветные купола-кокошники, так похожие на купола его старшего московского брата Василия Блаженного, отражались в зеркале воды канала Грибоедова. Возможно, церковные кресты стремились соприкоснуться с прохладой вод канала, когда-то их сохранившего от расправы советской власти.

— Смотри, красотища какая! Ты, наверное, и не видела Спас на Крови без лесов! Мы, ленинградцы, так привыкли к тому, что почерневшие от дождей леса вокруг храма — данность нашего города, что даже шутили, что стоять они будут до конца советской власти. И ты знаешь, дорогая, шутка удалась. Леса как раз убрали в августе девяносто первого года, — рассмеялась тетя Настя.

Так, болтая и шутя, мы добрались по набережной канала Грибоедова до станции метро. Ехать на такси к моему брату Анастасия Валерьевна наотрез отказалась, и я, вдохнув побольше воздуха, шагнула за ней в подземку.

Заплеванное и вонючее метро в Нью-Йорке и Чикаго, демократическое и современное в Лондоне, белоплиточное и безликое в Париже — это всего лишь вид не совсем безопасного, но достаточно удобного транспорта. Метро же в Москве и Ленинграде — это символ величия и мощи Страны Советов. Построено оно было как дворцы для народа с мозаиками, бронзовыми светильниками, скульптурами и мраморными полами, и так же, как дворцы Российской империи, вызывает восхищение.

Мы спустились вниз на платформу по бесконечному эскалатору в окружении японских туристов, восторженно цокавших языками и постоянно щелкавших фотоаппаратами и камерами мобильных телефонов. Потом, проехав несколько остановок, поднялись наверх, вышли на площади у Финляндского вокзала и сели на городской автобус.

В салоне автобуса было много народа, пахло потом, табаком, спиртным перегаром и почему-то селедкой. Люди, окружавшие нас, заметно отличались от той публики, среди которой мы недавно прогуливались по набережным и Невскому проспекту. И дело не в том, что они выглядели по-другому: у них были совсем иные лица, иные глаза — пустые и хмурые, как обычное питерское небо. Крепкий мужчина лет шестидесяти, одетый в потертую кожаную куртку и кепку, уступил Анастасии Валерьевне место.

— Что ж это вы, сударыня, в самый час пик в автобусе едете?! В гости к детям или в поликлинику надо двигаться до полудня, а то затопчут ведь. Присаживайтесь, — произнес он приятным низким голосом.

— Спасибо, мне здесь пару остановок, я постою, — стала отказываться тетя Настя. — Вы ведь с работы возвращаетесь, устали. Смена как раз закончилась на заводе.

Продолжение следует.

США